

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА

СЧАСТЬЕ НА СНЕЖНЫХ КРЫЛЬЯХ

НАЗНАЧЕНА
ИСТИННОЙ

Ольга Вадимовна Гусейнова
Счастье на снежных крыльях.
Назначена истинной
Серия «Звезды
романтического фэнтези»
Серия «Счастье на
снежных крыльях», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51076335

Счастье на снежных крыльях. Назначена истинной : [роман] / Ольга

Гусейнова: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-119382-9

Аннотация

Столица крылатого народа прекрасна со своими дворцами и долинами! Да и тюрьма тут такая, что не пройдешь мимо. Ведь у крылатых леар водятся свои злодеи и порой устраивают такое... Мне, конечно, повезло, есть тот, кто защитит и спасет. Красивый муж, как в сказке, здоровенный, с крыльями... Жаль, что на ангела совсем не похож. И найти общий язык нам непросто. Но когда неожиданно вспыхивает любовь, а под носом плетется

заговор, ничего не остается, как сплотиться, разобраться во всем и победить! Тем более сами боги на нашей стороне.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	49
Глава 4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ольга Гусейнова

Счастье на снежных крыльях.

Назначена истинной

Дорогие мои читатели, надеюсь, эта диалогия вам понравится! Хочу выразить огромную благодарность сразу нескольким моим помощникам, без которых история, скорее всего, не вышла бы именно такой полной и, надеюсь, интересной. Я благодарю Бога за то, что у меня есть моя сестренка Юлия, которая с удовольствием читает мои сказки и тем самым подкидывает дровишек моему вдохновению, заставляя гореть творческий костер еще ярче.

Я не могу не выразить признания самой замечательной и преданной помощнице Вере Борисковой. Она делает мои сказки еще лучше.

Я благодарна админам в ВК: Ирине Перхиной, Ирине Стратулат, Оле Сахаровой и Светлане Гарагуле, благодаря которым читатели узнают о моем творчестве и присоединяются ко мне в путешествиях по другим мирам.

Подругам и прекрасным авторам Алене Медведевой и Наталье Косухиной – за поддержку и советы.

Потрясающей художнице Дарье Ржаниковой – за обложку,

ведь именно благодаря ей перед моими глазами были прототипы героев.

И просто невообразимо огромную благодарность я испытываю к своим читателям! Спасибо вам, что читаете, покупаете и столько лет поддерживаете мое творчество и меня лично! Вы – мое главное вдохновение!

С уважением и любовью, ваша Гусейнова Ольга

– Не грусти, – сказала Алиса. – Рано или поздно все станет понятно, все станет на свои места и выстроится в единую красивую схему, как кружева. Станет понятно, зачем все было нужно, потому что все будет правильно.

Л. Кэррол. Алиса в Стране чудес

Глава 1

Казнь

Из тьмы забытья меня вытянули жажда и боль – не острая, а глухая, сродни усталости, разлитая по всему телу, завладевшая каждой клеточкой. Словно я треснувший сосуд, из которого вытекла вся жизнь... Ну или почти вся, я же чувствую боль, значит, жива. И еще слышу тихие голоса. Голоса отнюдь не ангелов, а Амилы, услышав который мысленно улыбнулась, и второй – знакомый женский. О, вспомнила: Деларии! И так у меня на душе хорошо стало, что я решила послушать.

Делария не просто «стучала», она довольно артистично передавала нюансы и интонации провинившихся леар, поддерживала паузы:

– ...Вчера шаа Чатима в разговоре с шаа Уоне несколько раз нехорошо говорила про род Арэнк, особенно досталось шаазе Кайе. И слова «подкидыш Язы» тоже не раз упоминались! Их слышали три посудомойки и лишь ша Кичи, невзирая на свое более низкое положение, возмутилась оскорблениями и пыталась совестить обеих мерзавок. За что получила от них плетьюми...

– Прискорбно! – тон Амилы был до жути ледяным. – Этих двух – к лишению; тех, кто промолчал и не доложил, – в поле.

Ша Кичи назначить главной по кухне!

– Но... она же черная? – засомневалась Делария.

– Для рода Арэнк каждый леар шаазата ценен одинаково, мы всегда это подчеркивали и доказывали своими делами. Главное – верность шаазату и преданность роду Арэнк!

– Я сообщу волю шаазы, – с воодушевлением и беспредельным подобострастием выдохнула Делария.

– Это уже какие по счету? – задала странный вопрос Амила, еще больше заинтриговав меня.

– Двадцать восьмые. Своих наказали, осталось еще тридцать три, но те соседские.

И вновь меня поразил заискивающий и восторженный голос Деларии, отчитывавшейся перед Амилой. Будто ее допустили к трону и доверили нести королевский шлейф.

– Большинство из третьего и четвертого, – сухим, надтреснутым голосом, словно вся тяжесть мира давила на нее, задумчиво произнесла Амила.

– Но ведь эраты Керук и Тито немедля выдали своих?! – осторожно заметила ее собеседница. – И главное, сам шаэр сейчас там, на Черной площади Лараны, следит за исполнением наказания. Это значит, он солидарен с Арэнками? Признает ваше право? И готов разделить ответственность?

– Иси просто воспользовался ситуацией, чтобы чужими руками предупредить своих недовольных о последствиях, если кто-то вздумает напасть на первый шаазат, как и на нас, – слишком спокойно ответила Амила, в ее ровном тоне

крылось нечто более глубокое и злое, а может – мстительное. Приоткрыв глаза, я увидела собеседниц. Они стояли возле террасы, и свет, бьющий в глаза, мешал их хорошенько разглядеть. Обе смотрели на «экран», или ледаю два на два, транслирующую столпотворение на городской площади. Ого! Мои глаза сами по себе широко распахнулись: огромная толпа крылатых, стоявших рядами, паривших в небе, потрясла и напугала. От траурных серо-черных цветов рябило в глазах. За их спинами не было видно построек, а над головами возвышалась черная твердыня тюрьмы.

В центре площади на коленях стояли заговорщики, их серые крылья трепетали за спинами, а фигуры походили на сжавшиеся пружины: тронь – и они либо сломаются, либо распрямятся, жестко сопротивляясь судьбе. Позади каждого конвоир. Ряды серокрылых суровых мужчин – тех, кто готовился расстаться с жизнью, и тех, кто сопровождал их на эту казнь, – выглядели настолько впечатляюще и пугающе, что у меня сжалось сердце.

В стороне от коленопреклоненных преступников стояли разнополые группы леаров. Мне показалось, собравшиеся по семейному признаку и явно не для средневековых забав, когда горожане приходили поглазеть на казнь преступников и подбадривали палачей. Нет, каждый из них замер с выражением ужаса на лице, трагедии и безнадёги.

Прямо перед экраном замерли двое белых шаазов, таких похожих, но в то же время неуловимо разных, – отец и сын.

Знакомые лица, свои, но в то же время далекие, бесстрастные, бездушные. Не просто леары, а – палачи! Высшие судии! И великолепные белоснежные крылья у обоих не трепещут, как у осужденных, ни одно перышко не шевелится у этих жутких карающих ангелов.

И все-таки я выдохнула с невыразимым облегчением: мой муж жив! Трагические события минувшей ночи привязали меня к нему больше, чем обряды и браслеты. Йелли, не раздумывая, спас меня в ущерб себе, тратил магию на мою защиту, а не себя. Ради меня, кроме бабушки, никто не жертвовал чем-то важным. Временем, вниманием, тем более жизнью.

Затаив дыхание, я смотрела, как эрат Арэнк подошел к очередному преступнику, стоящему на коленях, соткал над его головой знакомый голубой купол. Щелкнул пальцами, превратив купол в волну, а та прошла насквозь поверженного преступника. И вот у ног эрата уже не мощный русоволосый мужчина с красивыми светло-серыми крыльями – а безжизненное тело брюнета с расprostертыми, абсолютно черными крыльями. Конвоир жестоко, бесцеремонно схватил труп за крылья и потащил прочь с площади.

Я задыхалась от страха, ни вдохнуть, ни моргнуть, и все-таки глаз не могла отвести от страшного зрелища леарской казни. Выходит, Йелли выпил из преступника жизненную силу и всю магию досуха, отправив его на тот свет?! А черные – пустышки, поэтому никаких тебе природных ката-

клизмов после смерти. За крылья уволочут в неизвестность и забвение. Глаза защипало от слез, но «кино» продолжалось, вопреки моему желанию, вопреки моим земным представлениям о гуманности, вопреки...

Ниол махнул рукой, и конвоиры вывели из толпы группу серокрылых леаров. Мужчины впереди, ссутулившиеся, обреченные. Женщины на руках несли самых маленьких детей, младшие держались за старших родственников. Насчитала пятнадцать леаров, от скорбно-обреченного вида которых во мне будто все замерзло.

Эрат Арэнк подошел к очередному коленопреклоненному шаа, который с невыразимой болью и страданием смотрел на своих родственников, и громко спросил о чем-то на леарском; конечно же, чтобы услышал каждый на площади и во всем Леарате благодаря ледае. Его голос скрипел, как у простуженного и вместе с тем звучал бесстрастно.

– Кайя, ты проснулась? – взволнованно спросила Амила, обернувшись ко мне. – Не надо тебе на это смотреть. Поверь, там страшно и мерзко для всех... А ты и так слишком много пережила!

– Нет, я должна! Нельзя спрятаться под одеяло от жизни, мне все равно рано или поздно придется столкнуться с какими-нибудь неприятными или мерзкими ее сторонами, – прохрипела я, набравшись храбрости. Вдох-выдох. Я почти приказала: – Амила, я очень прошу, переводи!

Не знаю почему, но она послушалась. Видимо, «железная

леди» приняла мои доводы.

– Ты знаешь законы Леарата? – скрипел Йелли.

– Да, эрат! – ответил шаа.

– Ты считаешь, что мечты о власти стоят благополучия твоего рода?

– Нет, эрат! – прорыдал серокрылый мужчина, скрючившись в ногах Йелли. – Простите, молю, пожалейте их!

– Когда ты пришел убивать меня и мой род, ты думал о жалости и прощении? – скрежетал эрат.

– Нет, эрат, но я не...

– Ты не думал, что можешь проиграть, так? Когда шел убивать меня и мой род, ведь ты был уверен в успехе! И уж точно не думал, что твою семью и весь род постигнет заслуженная кара?

– Нет, я просто не...

– Да! Ты не ду-ума-ал! – ожесточенно протянул Йелли, чуть наклоняясь к несостоявшемуся убийце. Дальше каждое его слово походило на гвозди, которые он забивал в крышки чужих гробов: – Вас было порядка шестидесяти, все опытные воины, умеющие убивать! Все серые – сильные маги! Вы не думали, что моя семья и несколько преданных нам телохранителей легко и просто остановят нападение! Уничтожат вас! Ты не подумал о возмездии, ты предал не только своего эрата! Ты предал собственный род! Украл у них силу, вечную молодость и долголетие. Ради своих амбиций и жажды власти собственными руками ты лишил своих детей

дома, благополучия и надежного будущего. Лично выкинул на обочину! Ты сам лишил магически одаренных потомков силы.

– Молю, пожалейте моих детей... – голосил приговоренный.

– Разве ты пожалел тех, кто встал на защиту своего эрата и шаазата? Тех, кто до конца выполнил свой долг, сохранил честь рода, слово и был предан до конца? За что ты убил их? Вы походя осушили и убили шестнадцать наших женщин, больше двадцати мужчин, которые не смогли оказать вам должного отпора и спастись, а просто встретились на вашем пути к цели! Вы напали ночью, как воры и убийцы, прокрались во дворец. А теперь ты молишь о пощаде?..

Вперед выступил Ниол, мне показалось, что Йелли на грани и может сорваться, настолько глухо скрипел его голос на последних словах. Словно Йелли обвинял убийцу в том, что сейчас происходит. В том, что он вынужден сейчас делать – карать женщин и детей. Это выворачивало его наизнанку, но переложить обязанность на других он не мог. Свекор обернулся и посмотрел на обреченно поникших родичей леара, который унижительно валялся в ногах эрата Арэнка и молил о пощаде.

– Леарат существует тысячелетия! Первый закон высшего Тойлеса тоже. Тот, кто злонамеренно поднял оружие или применил силу против эрата, его семьи или главы своего рода будет казнен! Его род – осушен! Это придумано не нами,

но нам положено блюсти законы! Глава вашего рода шаа Яс родился и вырос со знанием этого закона, насколько я знаю, сам применял его десять лет назад к своему племяннику за попытку сместить его. А теперь решил, что сам выше законов Леарата? И сам нарушил главный закон! Ради чего? Чтобы получить для себя больше власти!

Мы, Йелли и Ниол Арэнки, говорим: смотрите! Смотрите в лицо тому, кто забрал у вас благополучную жизнь, здоровье и долголетие, силу! У вас и ваших детей! Не мы! И не род Арэнк! А ваш глава, сын, брат, отец, дед! Пренебрег вами, забыл, проклял в своей ненасытной жажде власти и денег! Смотрите и помните об этом!

Дальше я безмолвно плакала, глядя, как голубая волна высасывает силу у всего рода преступника, у взрослых и детей. Да, их не тронули и пальцем, они остались живы, но их волосы и крылья почернели абсолютно. Признаться, меня, иномирянку, факт, что не казнили семьи предателя и убийцы, примирил с происходящим. Я облегченно вздохнула, ведь еще не успела привыкнуть к своей магии, только начав разбираться с ней. Но отметила, как содрогнулась Делария. Видимо, для нее это хуже смерти.

Затем Ниол казнил следующего преступника так же, как до этого его сын. Несколько мгновений оглушающей тишины на площади – и снова раздался голос Йелли:

– Те из вас, кто принесет клятву крови на верность роду Арэнк, останутся во втором шаазате со всеми его милостями

и привилегиями согласно иерархии и обязанностям. Те, кто не захочет, покинет второй шаазат, останется без нашей защиты. В течение суток леары, не захотевшие принести клятву, обязаны навсегда покинуть наши земли и дома! Они получают метку, из-за которой больше не смогут пересечь границы второго шаазата без высочайшего позволения эрата или его рода.

Все убитые горем лишенцы, ставшие чернокрылыми, как это ни поразительно, дружно, заставив повторять даже детей, сделали надрез ладони, пустив кровь, и принесли клятву роду Арэнк. Но почему? Неужели остаться без рода и шаазата настолько страшно? Или второй шаазат не так уж плох, раз живые, но «высушенные магически» родственники бывшего главы готовы забыть о мести и ненависти к палачам и принести нерушимую клятву верности?!

– Кайя, достаточно! С тебя хватит, – объявила Амила, решительно хлопнула ладонями, и экран исчез.

Свекровь с Деларией подошли к моей кровати. Приятно было видеть Деларию живой и здоровой, в нарядном светло-сером костюмчике. Я вытерла слезы и не сдержала восклицания:

– Боги, ты чем-то заболела? А то немного... подурнела!

Бывшая жгучая красавица брюнетка, превратившаяся в русоволосую шатенку со слишком смуглой кожей, на мой взгляд, выглядела как девица, перестаравшаяся с загаром. Удивительно: черный из колера Деларии исчез полностью,

теперь она темно-серая шаа и весьма собой довольная. А вот светло-серый наряд производит унылое впечатление. Девушка поблекла, посерела, потеряла былую яркость.

Услышав мой «комплимент», улыбающаяся Делария загнулась, выпрямилась, словно кол проглотила, на миг бросила счастливый взгляд на свои однотонные серые крылья и не без язвительности посоветовала:

– На себя посмотри! Усопшие в храме и то симпатичнее бывают...

– Шаа, ты забываешься! – Амила таким ледяным тоном одернула ее, что даже я немного стухнула.

– Да, – весело поддакнула я. Деларию прочила себе в помощницы, и ее излишняя угодливость мне точно ни к чему. Хочется хотя бы подобия дружбы и искренности. – Между прочим, я – твоя магия, а ты так невежливо со мной.

– Простите, шааза, подобное больше не повторится, – заискивающе склонила голову Делария... перед Амилой.

Довольная этим свекровь важно кивнула, мое недоумение поведением новоявленной шаа тоже отметила, и оно ее откровенно позабавило. Ведьма!

Делария тем временем опять прогнулась – придвинула удобное кресло-стул для Амилы, а для себя поставила подальше, видимо, чтобы шааза ни в коем случае не заподозрила, что обычная шаа пытается сравняться с ней хоть в чем-то.

Наконец-то я поняла, чем же изменилась и сама Амила. В отличие от Деларии, она побелела. Серых прядок осталось

совсем мало, так, едва заметные тени в ее волосах и крыльях. Получается, она апгрейдилась накануне? Или...

– Долго я тут валяюсь? – заволновалась я.

– Часть ночи и весь день. Скоро ужин, – любезно улыбнулась Амила, невольно отправив меня в нокаут. – Не переживай, Кайя, к утру все будет в полном порядке!

Мягкий тон и даже толика нежности в глазах и голосе све-крови насторожили. Прежде она этим не страдала по отношению ко мне.

– Хочешь сока? – спросила она и протянула руку к бокалу на столике, притянула его голубой «плетью» и поднесла мне. – Я заметила, что ты предпочитаешь сок гуаши. Выпей, он очень полезный.

Рывком приподнявшись, я с наслаждением выпила сок. Действительно, сразу стало легче. Вернув бокал подскочившей ко мне Деларии, я со вздохом облегчения откинулась на подушки, которые она быстренько поправила. Амила продолжала поражать – смотрела на меня с почти материнской, вернее бабулиной, заботой, беспокоилась о моем здоровье.

Прочистив горло, я поблагодарила:

– Спасибо, Амила! Я тронута твоим вниманием, это так приятно...

– О, не обольщайся, Кайя! Йелли приказал мне присмотреть за тобой, – «успокоила» она, ехидно хмыкнув.

– Твоя жертва просто неоценима! – уныло похвалила я.

Тем не менее настроение сразу вернулось: привычная све-

кровь-ведьма мне знакома, как с ней себя вести, тоже приблизительно знаю. А вот ласковая и мягкая – как обезьяна с гранатой, не знаешь, когда и где подорвет.

Но Амила умеет удивлять. Она спрятала крылья, удобнее уселась в кресле и, сложив перед собой пальцы домиком, спросила:

– Кайя, полагаю, увидев нас, у тебя возникли вопросы?

– Вы не представляете, как много! – улыбнулась я грустно. – Ты вновь практически белая? – Затем вспомнила Ниола с белоснежными крыльями и добавила: – Ниол тоже изменился.

Загадочно улыбнувшись, идеально причесанная Амила неосознанно поправила белый локон, который вчера был серым, и совершенно без ехидства пояснила:

– Да, благодаря тебе! Нападение, смерть, предательство настолько сильно потрясли тебя, что спровоцировали третий переход.

– Но после второго перехода, наоборот, было легко, словно я заново родилась, а сейчас такое ощущение, что на мне слон потоптался.

– Я не знаю, кто такой слон. Дело в том, что ситуации бывают различные. Тогда погибла Лаиша. Умирая, шаазы выпускают всю свою магию. Да, девочка была слишком юной и еще не полностью созревшей, но даже она помогла тебе достаточно легко совершить переход и значительно расширить собственный резерв. К тому же второй переход обычно

бывает у детей в возрасте восьми – десяти лет. Их магия не столь сильна, а резерв невелик, поэтому тебе всего хватило.

– Но Йелли сказал, что для третьего перехода слишком рано и...

– Нет строго установленных временных перерывов. Есть средние значения, но у каждого рода они разнятся в зависимости от силы и многих других факторов. В твоём случае имеет место принудительное взросление. Магия защищала хозяйку от эмоционального выгорания, поэтому так скоро начался следующий этап взросления. Причем за счет собственных сил, прилично оскудевших, когда ты неконтролируемым потоком вливала их в стену, защищая моего сына.

– А как тогда, если без сил и...

– Третий переход – это преддверие полного раскрытия и созревания магии, подготовка всех энергетических каналов, максимальное расширение резерва. Самый энергоёмкий и сложный период! В этот момент внутри у леары все перестраивается, меняется, буквально заново рождается магия и происходит ее всплеск. У белых он столь силен, что может вызвать природные катастрофы. Остановить его невозможно – только удержать, закрыв куполом, что и делают родители или опекуны. И те, кто оказался рядом, особенно внутри купола, принимают часть всплеска на себя. Усваивают! В редких случаях, к примеру, если взрослеет сильная шааза, можно в процессе перехода расширить и собственный резерв. Или, как в нашем с Ниолом случае, вернуть утраченное.

– То есть мы вместе «повзрослели» вчера? – пошутила я.

– Более чем, – улыбнулась Амила.

– И я тоже! – не утерпела похвастаться Делария, получив косой взгляд Амилы.

– Каким образом? – я посмотрела на свою «подопечную».

Ответила свекровь, под взглядом которой серокрылая опустила хитрые глазки и притихла:

– На моей памяти подобного ни разу не случилось, наверное, по той причине, что дураков привязывать черную к белой раньше не находилось.

– Я не совсем поняла, – нахохлилась я.

Делария, втянув голову в плечи, изображала немую и глухую – переживала за обретенную магию. Но исподтишка влюбленно поглядывала на свои посеревшие крылья, которые, несмотря на некоторое неудобство (сидела эта хитрюга на краешке стула), не спрятала.

– Твой неожиданный переход и ваша обоюдная связь спровоцировали первичный переход и у Деларии. Теперь она – полноценная шаа с собственным энергетическим резервом, правда пока с уровнем младенца. Но даже если ты разорвешь вашу связь, черной она больше не станет.

– И возможно, с твоим последним, четвертым, переходом я тоже стану полноценной, сильной серой, – восторженно выдохнула Делария, не в силах справиться с эмоциями.

Я улыбнулась бойкой шаа, порадовавшись, что ее мечты сбылись. Сбылись самым невероятным образом. Как в сказ-

ке!

– Если я позволю вам сохранить связь к тому моменту! – строго заявила Амила.

– Нет, только я решаю, как долго продлится наша связь! – не выдержала я. Это уже чересчур!

Делария сразу успокоилась, а Амила, кажется, ничуть не была задета моим «самоуправством», царственным жестом позволила:

– Неважно, в любом случае шаазату не помешает еще одна сильная серая леара. Тем более что ночью мы столько поданных потеряли из-за чужой глупости и жажды наживы.

Мысли и действия моей свекрови непостижимы. Мало того, Делария пытается подражать ее манере держаться. Даже в кресле сидит точь-в-точь как шааза, для чего ей все-таки пришлось втянуть свои драгоценные серые крылья. Забавно наблюдать, как бывшая ша стремится походить на шаазу, быть как она.

– Амила, неужели публичная казнь на площади была необходима? – спросила я глухо о том, что терзало меня, пока пикировалась с ней.

Шааза вскинулась, как перед дракой, но сдержалась, села ровнее и напряженно, с жаром ответила:

– Запомни! Здесь никто не терпит слабости. Слабости тебе никто не простит, не спустит, не пожалеет. Пока все видят, знают, что ты силен, – ты жив. И не просто небо копишь, а живешь так, как хочешь и можешь! Если ты про-

явишь слабость – тебя сразу сожрут! А мы, род Арэнк, отвечаем за весь шаазат, за всех, доверивших нам свои жизни!

– Но шаазат – это лишь дворец и его...

– Глупая! – рыкнула Амила, вскакивая с кресла, затем потерла ладони, наверное, «успокаивала» магию, передумав хлестать меня плетьюми. – Ладно, шаа Фэй еще не успел тебе разъяснить основы. Шаазат – это не дворец! Дворец – главное представительство в Ларане! Это отражение нашего места в иерархии, мы – вторые, и это видно всем и каждому! Шаазат включает в себя земли, множество богатых родов, которые возглавляют менее сильные леары, и отдельные семьи. Касается нас: Арэнк – не только название шаазата, это имя самого сильного рода, семьи эрата. Мы создали второй шаазат, он носит имя Арэнк несколько тысяч лет! Но если бы нас всех вчера убили, шаазат достался бы следующему, самому сильному леару. Возможно, Арэнку из другой ветви наследования. А может, и нет! И тогда второй шаазат сменил бы имя и сразу же потерял позицию в иерархии Леарата. Ведь в Совет Девяти могут входить лишь те, кто серый не более чем на четверть. Но при этом шаазат сохранил бы все свои земли и богатства, только под управлением семьи другого эрата!

– То есть шаазат – это такое специфическое территориальное образование, которое включает разные роды и семьи? А управляет и владеет всеми территориями только эрат?

– Да, почти так. Хотя территории, которые принадлежат

одному шаазату, могут быть в совершенно разных частях Лерата. Управляют и владеют этими землями доверенные эрату леары – главы, которые свой пост и владения могут передавать по наследству. Но если кто-то из глав утратит доверие эрата, то запросто может лишиться всего.

Из сказанного бывшей «первой леди» следовало, что шаазаты – местные княжества, где князь-эрат – самый главный и может назначать и выделять земли всяким «баронам». И в случае чего лишать «баронства» неугодных.

– Я правильно поняла: вчера была попытка силовой смены власти? Раз эратом может стать любой, лишь бы магически сильный?

Гнев Амилы выдохся так же быстро, как и возник. Она глубоко вздохнула, сцепила тонкие изящные пальцы в перстнях и призналась, буквально исходя желчью и яростью:

– Вчера убили больше сорока наших шаа и ша. Обычные леары: горничные, кухарки, пара моих помощниц и портниха. Охрана дворца. Черных убивали, серых еще и выпивали перед нападением на нас. Убили одиноких и семейных... наших родственников, убивали тех, кто пытался поднять шум, и тех, кто спал не на своем месте, выпив лишнего. А ведь все мы считали, что дом – наша надежнейшая защита! Но нашлись предатели, которые обманули и взломали защитные заклинания, пустили сюда врагов. Таких же отщепенцев, убийц, проклятых теперь даже своими родными!

– Что теперь с защитой? – хрипло спросила я, кровать пе-

рестала казаться уютным островком.

– Сын с Ниолом восстановили ее еще ночью, – успокоила меня Амила. – Твой всплеск энергии полностью очистил Йелли от магии хаоши и основательно прибавил сил нам всем. Даже исцеление прошло за мгновения. Затем я занялась тобой, а они решали насущные проблемы. Ночью подняли всех жителей дворца, каждый принес клятву крови в верности роду Арэнк и преданности шаазату. Утром у нас был список нападавших. Двадцать восемь из них были из шаазата Арэнк, еще тридцать один – из двух других шаазатов, третьего и четвертого. Керук и Тито без проволочек выдали нам преступников с их семьями.

– Прямо ударно поработали, – буркнула я.

– Да, – согласилась Амила, глядя мимо меня. Я заметила серые тени у нее под глазами и затаенную боль. – К полудню шаэр сам вызвался начать церемонию наказания и первых преступников и их семьи казнил лично...

– В назидание другим? – тихо спросила я, вспомнив ее горькие слова. – Чтобы неповадно было?

Амила наверняка устала и глаз с ночи не сомкнула, но виду не подавала – прекрасна и бодра; взглянула на меня красивыми голубыми глазами, чуть нахмурилась, но кивнула, пояснив:

– Такого хорошо организованного, многочисленного нападения не было уже лет триста. Время от времени убивали по одному, ну по двое, выдавая за несчастный случай или

происки врагов из других стран. Разное случалось. Но открытые военные действия против высшего рода верховного шаазата – это переходит все границы!

– Йелли говорил, что Хтон – не главный, за ними кто-то стоит, – вспомнила я.

Амила расстроено поморщилась и сухо пояснила:

– Точно пока неизвестно. Возможно, это был анклав заговорщиков. Всегда были, есть и будут серые, которые недовольны своим более низким положением в обществе. Периодически эраты с помощью преданных подданных находят подобные тайные общества и уничтожают. У некоторых шаа жажда власти так горит, что в одном месте аж подгорает. Может быть, за ними стоит кто-то из белых. Но тому, кто вчера натравил на нас недовольных, хватило для обострения ситуации всего лишь ничьей белой шаазы. Пришелицы из другого мира, которая неожиданно вошла во второй шаазат и может усилить род Арэнк!

– О-о-о... я виновата, что...

Амила вскинула руку, останавливая мое нытье:

– Нет! Ты – следствие, причина в другом! Раньше эратом мог стать исключительно белый шааз, но нас становится меньше, а магия слабеет. Сейчас уже больше половины шаазатов возглавляют большей частью серые эраты. Пройдет еще несколько столетий и белых, возможно, не останется вовсе. Но власти хочется всем! Белые шаазы грызутся за абсолютную власть. Чем меньше сильных конкурентов, тем выше

положение эрата, ближе к Кристальному дворцу. Это значит: никаких ограничений, абсолютное всевластие! Серые эраты пока дерутся за лишние земли, богатства и сферы влияния, скорее, как апики и аяши, как торговцы. Большая часть земель и богатств именно у девяти верховных шаазатов, а значит – против нас постоянно плетутся интриги и козни мелких соседей. В общем, белые гибнут часто. То от рук своих, то от серых. А рождаемся мы все реже, ведь встретить пару так сложно, а потерять магию, чтобы получить хоть одного наследника, так легко. Наша жизнь и уклад меняются незримо, но заметно нам, долгоживущим!

– Амила, вы с Ниолом теперь снова белые и можете завести еще одного ребенка, наверное, – робко улыбнулась я, необдуманно намекнув на выход из ситуации.

Шааза застыла, словно эта идея ей в голову не приходила. Уголки ее рта дрогнули в намечающейся улыбке, но она так и не показалась.

– Возможно, мы решимся на это когда-нибудь. Но только в крайнем случае. Если с тобой что-то случится!

– А почему именно со мной? – воспротивилась я.

Амила глянула на меня холодно:

– Ты забрала верность Йелли, а значит, если тебя убьют, он не сможет получить наследника даже с помощью ритуала. Хотя истинные все равно друг без друга долго не живут. Энергетическую связь супругов слишком сложно разорвать, а многие и не хотят...

А если с Йелли что-то случится, что станет со мной?

Амила подумала и добавила «приятных» ощущений:

– Кайя, тот, кто возглавлял заговорщиков, преследовал несколько целей. Повезет: разом обезглавит второй шаазат и сможет прибрать его к рукам. Не повезет... Видимо, рассчитывал покончить с тобой или Йелли. Если бы погибла ты, главная цель – обезглавить шаазат – все равно была бы достигнута. Йелли связан с тобой магией и верностью и умер бы довольно скоро. А мы... нам пришлось бы отдать всю магию в ритуале, чтобы родить еще одного наследника. В общем, если бы ты оказалась слабее, менее доброй, – Амила насмешливо улыбнулась, – или менее заинтересованной моим сыном и не защитила бы его, то будущего у нас не было бы в любом случае. Но наш враг не учел тебя в своем раскладе – и просчитался. Ты не переживай, мы найдем его. Обязательно найдем, это дело жизни и чести!

– Уверена, у нас получится, – решила я подбодрить воинственную и, конечно же, расстроенную свекровь.

– Делария тебе поможет привести себя в порядок. Пока отдыхай. Все важное оставь на завтра, когда резерв восстановится.

– Хорошо, так и сделаю, – заверила я, втайне радуясь, что свекровь собралась оставить меня в покое.

Амила осмотрела меня странным, оценивающим взглядом, как если бы изменила мнение о чем-то, переосмыслила, затем перевела его на Деларию и ушла. Даже моя мама не

смогла бы так пройтись! Даже не шла, а ступала, казалось, не касаясь пола. Смешно, но стоило закрыться за ней дверям, мы с экс-любовницей моего мужа одновременно облегченно выдохнули.

Глава 2

Зачем мне нужны ть и телевидение

– Тебе лучше встать и привести себя в порядок перед приходом супруга! – категорично заявила Делария, едва за Амилой закрылись двери. Мне дар речи на несколько секунд отказал, а она наставительно добавила: – Эрат не любит, когда женщина...

Преодолев чудовищную слабость, я села и ледяным тоном оборвала нахалку:

– Я больше чем уверена, ты даже представления не имеешь, что Йелли любит, а что нет! Две недели ваших, хм-м... коротких контактов проходили явно не с целью общения на тему его жизненных предпочтений и интересов. Поэтому никогда не смей при мне его обсуждать или давать ценные советы, как себя вести с собственным мужем!

– Ты мало знаешь о...

Я одарила ее коронным папиным взглядом «еще слово – и ты труп». Подействовало! Затем решила расставить все точки над «ё» – мне одной ведьмы-командирши здесь за глаза хватает, чтобы позволить им плодиться на мою голову. Тем более терпеть бывшую любовницу мужа. Эх, не ищу я легких путей. Должна же была ситуация с Машкой хоть чему-то на-

учить, но, кажется, я вновь наступаю на одни и те же грабли, поэтому, взяв официально-холодный тон, заявила:

– Делария, давай сразу проясним важные условия наших взаимоотношений. Первое: я уже достаточно взрослая, чтобы самой отвечать за свою жизнь и решения. И командиры мне не нужны. Второе: так уж вышло, что главная в этом доме – я, хоть и под присмотром Амилы. Пока. Поэтому твои наставления мне точно не нужны! А если потребуется совет, то я обязательно обращусь за ним... к более опытному.

Шаа слушала с прямой спиной, словно сжатая пружина, и сверлила меня возмущенным полновесным взглядом. Единственное, что в ней не «посерело», – глаза. Они по-прежнему были очень яркими, раскосыми и красивыми.

– Хорошо, шааза, я поняла, – произнесла она глухо.

– Мне нужна спутница, которая ответит на вопросы, заданные мной, – продолжила я, смягчив строгий тон. – Помощница, в конце концов. Подруга, а не руководитель! Верная и надежная.

Делария заметно расслабилась, изящно оперлась локтем о подлокотник и веско заметила:

– В отличие от большинства служащих дворца, я дала расширенную клятву верности и преданности. Не только роду Арэнк, а тебе лично!

– Да-а-а?... Когда это? – опешила я.

Почувствовав себя более сведущей и на шаг впереди, моя несостоявшаяся начальница не сдержала самодовольную ух-

мылку:

– Еще утром, когда тебя сюда перенесли из ваших разгромленных покоев. Шаазы, прежде чем уйти по делам, заставили меня поклясться, что твоя жизнь будет важнее моей. Поэтому твои благополучие и жизнь теперь для меня на первом месте. Мы связаны не только магией, но и клятвой.

– Странно, что Амила позволила, – удивилась я. – Меня она вчера чуть не расчленила за раздачу магии направо и налево.

Делария нервно повела плечами и радостно сообщила:

– Ох, шааза Кайя, если бы не нападение, меня бы точно расчленили. А так повезло просто. Когда тебя сюда принесли, мне приказали заблокировать связь, но я осталась серой! Шаазы втроем посовещались недолго, затем приказа... сделали мне предложение, от которого никто бы в здравом уме не отказался. Так возвыситься...

– А как ты тут с утра оказалась? Так рано? – я подозрительно уставилась на нее.

Карьеристка с видом оскорбленной невинности закатила глаза, поморщилась и смущенно призналась:

– Я ночевала во дворце! Надеялась с утра прийти к тебе и пробиться в помощницы.

– Пробиться? – удивилась я.

От смущения шаа не осталось и следа. Эта всезнайка быстренько меня просветила по части леарских дворцовых традиций:

– Какая же ты наивная! Если бы не злосчастное нападение, с утра у твоих покоев толпились десятки шаа, чтобы попытаться возвыситься – получить при главной шаазе Арэнк теплое местечко, продвинуться в иерархии, улучшить положение и...

– Я поняла, спасибо, – вздохнула я, останавливая рассказчицу, а потом нервно уточнила: – Значит, нам это еще предстоит?

Делария цвела и пахла от удовольствия:

– О да! Завтра или послезавтра тебе придется объявить о наборе личной прислуги. Портнихи, горничные, голоса шаазы и...

– Кто? Голоса? – Моему удивлению не было предела.

– Да, использовать повсеместно ледаю невозможно. Снежные вестники служат для связи с избранным кругом. Поэтому каждый эрат и его родные имеют «голоса». Это назначенный вестник, который выполняет личные распоряжения хозяина, призывает в назначенный час или сообщает волю хозяина. Это очень важная должность, у голосов огромные полномочия, но таких служащих нужно выбирать очень осторожно. И клятву они дают не менее расширенную, чем тени.

– Тени? – устало уточнила я.

Делария хоть и улыбалась, но в ее глазах мелькнула неуверенность, когда она ответила:

– Да, тени. Те, кто всегда за спиной шаазы для любых за-

дач и услуг. Тени никогда не предадут, они абсолютно верны! Хозяина с тенью связывают узы магии. Твоя тень – я! Ведь мы уже связаны магией, и мне позволили... назначили твоей тенью.

Я окинула девушку взглядом, действительно тень, серая, даже чересчур. Протянула ей руку, предложив:

– Хорошо, давай скрепим наш союз.

– Тебе пока нельзя делиться силой, – строго, как доктор больному, запретила Делария. – Ты сейчас пустая, как чернокрылая. Я же говорю, эрат заставил меня временно блокировать нашу связь, чтобы ты восстановилась быстрее.

Я с досадой шлепнула себя по лбу:

– Черт, совершенно вылетело из головы, что мое прикосновение может сорвать у других крышу от удовольствия.

– Ты так забавно, непривычно выражаешься! – по-девчачьи хихикнула Делария и вернулась к наставлениям: – У серых от прикосновений эйфории не бывает. А вот черные, даже если рядом находятся, радуются и наслаждаются. Просто до этого ты была совсем, хм-м... юной, поэтому не особенно влияла. После четвертого перехода и полного раскрытия ты поймешь, насколько сильно действуешь на окружающих. Во дворце чернокрылые служат на нижних ярусах, чтобы, как ты сказала, крышу не рвало от счастья. Выше работают серые, причем чем ближе к шаазам, тем светлее.

Откинув простыню, я поправила сбившуюся ночную сорочку, вспомнив, что вчера была в другой одежде, испорчен-

ной в бою. Оттолкнувшись от кровати, с трудом встала. Голова кружилась и очень хотелось есть. Голод последние месяцы меня постоянно преследовал, и временами – нестерпимый.

– Я в ванную, а ты попроси, пожалуйста, накрыть нам стол, есть хочу.

– Нам? – осторожно переспросила Делария.

Она подалась ко мне, словно не верила тому, что слышит.

– Э-э-э... разве тебе нельзя есть со мной за одним столом? – поинтересовалась я.

– Можно, но это высшая степень доверия и благоволения, – уныло пояснила Делария, поняв, что я просто не знала очередных нюансов этикета.

Призадумавшись о благоволениях для бывшей любовницы моего мужа, ставшей моей тенью и магресициентом, я, твердо взглянув ей в глаза, поставила жесткое условие:

– Если ты никогда и ни при каких обстоятельствах не посягнешь на моего мужа и...

Делария фыркнула:

– Да нужна я ему, как шаазу шерстяная шапка апики в Кристальном дворце! Скажешь тоже. Я вообще удивляюсь, как мне смелости... да чего уж там, глупости хватило приблизиться к нему. И пережить эти две недели... только на одном упрямстве. Видимо, великие лары специально ненадолго забрали у меня разум, чтобы чуть позже одарить... тобой!

Я с улыбкой покачала головой: неужели кого-то можно на-

градить мной, вот рассмешила. Делария напомнила мне третью папину жену. Та блондинка любила весь мир, но особенно себя в нем. При этом была по-своему доброй, искренней, немного глуповатой, на бабушкин взгляд. Про таких на родине говорили со снисходительной улыбкой: «Прелесть какая дурочка!» А не зло шипели: «Ужас какая дура».

Тем временем «прелесть какая дурочка» решила уточнить:

– Шааза Кайя, можно спросить? – Я кивнула, обернувшись от двери в ванную. – Эрат такой... такой жуткий... в общем... не понимаю я: зачем? Зачем ты забрала у него верность? Ведь теперь тебе придется терпеть его близость... каждый день...

В ее голосе было столько страха и неприязни, что я замерла в изумлении. Странная мысль, что Йелли незаслуженно обидели, засвербела в душе, поэтому ответила, снисходительно усмехнувшись:

– Одна очень умная женщина из моего мира сказала: «Хранить верность – это достоинство, познать верность – это честь!»¹

Делария нисколько не прониклась классикой моей родины. Пожав плечами, она встала, направляясь ко мне:

– По мне, верность порой лишняя, а частенько и непосильная обязанность!

---

¹ Мария фон Эбнер-Эшенбах (1830–1916) – австрийская писательница и драматург.

Я хотела уколоть ее и уже собралась выдать ироничное «фи», но вспомнила Игоря и Марию. Верность для него действительно оказалось непосильной обязанностью, поэтому промолчала. Открыла дверь в ванную и шагнула в более вычурное помещение, чем в наших с Йелли покоях. Делария попыталась пройти вслед за мной. Я подняла руку, останавливая ее, и строго предупредила:

– Нет-нет, я привыкла заниматься столь интимными делами в одиночестве. Я ненадолго... постараюсь.

Плескалась я, наверное, полчаса, все-таки нет тут замечательных душевых и прочих банных прелестей. Но выходила довольная, благоухающая, чистенькая и зверски голодная. С улыбкой отметила, как Делария командовала шаа, накрывавшими стол на террасе. Если бы не темные волосы и серый наряд, можно было бы подумать, что передо мной клон Амилы. Увидев меня, русоволосые девушки почтительно закрывали лица, а потом поедали глазами, явно надеясь понравиться, укрепиться в моей памяти. Теперь понятно для чего: все открыто и откровенно метят на лучшие места в леарском обществе, ну и вакансии вкусная открылась.

Утолив первый голод, отдав должное хорошей кухне и огромному выбору фруктов или овощей (пока не знаю, что из них что), я спросила у Деларии, евшей тоже с огромным удовольствием:

– Может, расскажешь о себе? Как случилось, что ты решилась «постареть»?

Она поморщилась, вымученно улыбнулась, а потом, немного наигранно откинувшись на спинку кресла, начала рассказывать:

— К сожалению, моя история мало чем интересна. Я сирота, родители погибли. Отец — под обвалом в шахтах, в Блаке, а мать... тоже погибла. Папу она любила больше, чем меня. — Кажется, мама у Деларии совершила суицид. — В Ларане верховные шаазаты держат приюты для детей, вот там меня до двенадцати лет и воспитывали. Потом отправили на работу, сначала в одно место, потом в другое... В восемнадцать я попала в горничные в поместье рода Люверно; Хтон — младший брат наследника главы. Он показался мне тогда таким... таким умным, сильным, красивым, что просто забыла, кто он, а кто я. Я старалась, так сильно старалась, чтобы он заметил меня, выделил. Мечтала, чтобы полюбил. Ну и пусть бы я рано умерла, но тогда считала, что его любовь стоит всего на свете. Даже моей жизни.

— А он не оценил, — посочувствовала я.

— Он просто не замечал. — Делария отвернулась и грустно смотрела на светлячков, разгонявших наступающие сумерки. — Я крутилась изо всех сил: за четыре года пробилась в старшие горничные, потом — в личные помощницы хозяйки. Тогда он меня и заметил, на пару ночей. Забрал невинность, получил мои признания в любви — и выгнал взащей из своей спальни.

— И тогда...

– Было так больно, обидно, я не знала, что делать со своими чувствами и как отомстить или вернуть его внимание, и... совершила еще большую глупость! Задумала соблазнить эрата, чтобы стать богатой и важной! Хтон последнее время, как безумный, пробивался в личную охрану семьи Арэнк, поэтому я решила: сведу с ума шааза Йелли и попрошу его выгнать Хтона. И тогда он сам приползет просить у меня прощения и... милости. А я...

– А ты? – я подперла кулаком щеку, в сущности, зная о концовке истории, но решив, что лучше узнать из первых уст.

– О, я не только пустышка, о чем не раз говорил Хтон. Я вообще ничто! Мечтала соблазнить? Властвовать умами мужчин? Ха! Мне потребовалось четыре года, чтобы привлечь Хтона, а его внимания хватило на пару ночей. Эрат меня выкинул из кровати сразу же, как приبلудного тошика, когда я тайком пробралась в его покои впервые. Представь, сколько безрассудства и смелости нужно, чтобы решиться на связь с эратом. О нем ходит очень жуткая молва, как о суровом и очень жестком шаазе. Я лежала в его пустой кровати и тряслась от страха. А он лишь взглянул раз – и за шкирку прочь, на террасу... Потом я умоляла его оставить меня хоть ненадолго, наврала, что мне лары во сне это приказали. А кто из лееаров рискнет не выполнить волю ларов? Я даже не думала, что эрат настолько силен и моих жизненных сил практически ни на что не хватит. Что он такой... холодный.

Хотя... может, это было наказание ларов за вранье.

– То есть ваши отношения с Йелли...

– Наши несуществующие отношения завершились гораздо раньше, чем он встретил тебя, шааза. Просто я снова... наврала всем, что он увлечен мной и околдован. Вчера я с трудом попала к нему в кабинет и попыталась добиться какой-нибудь должности во дворце. Он отказал. Я в ногах валялась, а он лишь деньги предложил в качестве подъемных – не захотел портить настроение жене. Так все глупо вышло, неправильно. Но меня будто кто в спину толкал, гадкий и дурной. Дергал за язык... Стыдно, но не исправить уже.

Я наблюдала за Деларией. Рассказывая об особо грустных и неприглядных событиях, она явно играла веселую самоиронию, улыбалась, помогала себе жестами. Если бы я не жила с несколькими актрисами в одном доме почти всю сознательную жизнь, могла бы ошибиться в эмоциях этой леары. Но я четко видела, что веселости в ней ни на грош нет. Самобичевание – да, уязвленные самолюбие и гордость – да, стыд – с лихвой. Вот это актриса!

Я крутила бокал с соком в руках, откинувшись в кресле, внимательно слушая и разглядывая ее. А в голове появилась и неотступно свербела совершенно безумная идея. Что же, почему бы и нет? Чем не занятие для юной по местным меркам шаазы, когда все бразды правления находятся в руках более старшей?

– Чего ты хочешь от жизни? Только скажи хоть раз абсо-

лютно честно! – предложила я Деларии, очень пристально вглядываясь в ее глаза.

И она не подвела:

– Быть известной... уважаемой... богатой...

– Короче, ты хочешь славы и денег? – хихикнула я.

– Можно и так сказать, – смутилась моя тень.

– В моем мире есть такой... вид искусства, деятельности – телевидение. Почти как ваша леда, только круглые сутки показывает интересные программы.

– Моих сил на ледаю не хватит, – приуныла она.

– А моих – да! – подняла я указательный палец вверх. – Мы сделаем тебя великой актрисой, звездой телевидения!

– Звездой... этого теловидения... зачем? – опасливо уточнила она. – Может, не надо, я...

Я махнула рукой с досадой:

– В общем, создадим свой телек. Звезда у нас уже есть, осталось только выбрать интересный сюжет и набрать других актеров. А потом покажем всем жителям шаазата нашу постановку и...

– Ой, а что скажет шааза Амила? – всплеснув руками, забеспокоилась Делария.

Я постучала пальцами по столу – и решительно отмела любые «нет»:

– Это я беру на себя. А ты набери труппу леаров – десять мужчин и женщин. И найди здесь светлое, просторное помещение.

– Трупы? Целых десять штук? – вытаращилась она на меня.

Чуть не плюнув с досады, я пояснила, что представляет собой актерская труппа. Идея начала стремительно обрастать подробностями, а энтузиазм – фонтанировать. Делария прямо светилась от радости и робкого предвкушения.

– Только знаешь что, – встрепелась я, – для звезды у тебя имя длинное, давай сократим. К примеру, Делла тень Арэнк. Звучит?

Агатовые глаза новоиспеченной Деллы заискрились ярче черных бриллиантов.

– Еще как звучит!

– Значит, завтра с тебя к полудню группа леаров, согласных играть в нашей постановке. И помещение! С меня – идеи и руководство...

В этот торжественный момент рождения в Море телевидения и кино на террасу приземлился Йелли. Весь в белом. Наверное, как был на площади, так и не переодевался. Я замерла, во все глаза разглядывая мужа: высокий, стройный, буквально пронизанный силой и властью с головы до ног! Пока он шел к нам, спрятав крылья, перестав походить на ангела, но не потеряв и толики невероятно мощной ауры хозяина жизни.

Белые брюки и рубашка мягко облегают его мускулистое тело. Золотистая от загара кожа, блестящие белоснежные волосы и брови, удивительно прозрачные глаза, пронзитель-

ные, голубые. Сжатые в тонкую линию губы и глубокая, ярко выраженная ямочка на подбородке. Мой муж!

Белая прядка упала ему на лоб, прикрыв глаз; у меня руки зачесались, до чего захотелось убрать ее и еще – пожалуй, ведь я видела, какой ценой далось ему восстановление порядка не только в шаазате, но и в Леарате.

Делла сразу вскочила, закрыв лицо ладонью, затем глазами попросила у меня разрешения уйти и – сбежала, словно мышка от голодного кота.

– Не понимаю: зачем ты решила ее приблизить? Была возможность сразу все исправить, – спокойно, но с легкой досадой спросил Йелли, присаживаясь на освободившийся стул рядом со мной.

Я пожала плечами, устроилась поудобнее, подобрав ступни под себя, и предложила:

– Будешь ужинать?

– Нет, я только что поел с родителями. Они сказали, что ты сейчас отдыхаешь, приходишь в себя.

Йелли устал, очень заметно устал. Темные круги еще сильнее подчеркнули слишком светлые глаза, придав им опасного блеска. Но мне больше не страшно. Наоборот, в очередной раз чуть не умерев, я решила брать от жизни все и по полной, не откладывая на потом. А то ведь может и не случиться. Муж сел напротив, внимательно, чуть сощурившись, прошелся взглядом по моей фигуре. Криво усмехнулся и похлопал по коленям:

– Иди ко мне!

Я хмыкнула, подалась вперед и, положив локти на стол, с некоторой веселой иронией спросила:

– Знаешь, твоя ситуация выглядит немного странно.

– Какая именно? – удивился он.

– Для моего бывшего мира более чем странно, когда взрослый мужчина живет с родителями. И предпочитает ужинать с ними, а не с молодой женой... Там бы такого посчитали незрелым маменькиным сынком!

Йелли весело расхохотался, запрокинув голову, и потом, кажется, нисколько не обидевшись, ответил:

– К счастью, в нашем мире мы живем родами. У нас принято совместное проживание сразу нескольких семей. Если откровенно, то мама выразила опасение, что после казни ты могла решить, будто я чудовище, и попытаться сбежать. Она просила дать тебе время успокоиться и... забыть об этом.

Я поморщилась, вновь откидываясь на спинку кресла, в котором уютненько уселась, согнув ноги в коленях, словно отгораживаясь от проблем. Но ответила честно:

– Йелли, я слишком мало знаю об этом мире, однако успела убедиться, что он не так прост и хорош, как хочется. К тому же была с тобой ночью и помню... знаю, что вас... нас предали. – Закусила губу от волнения, а потом призналась: – Я, если тоже откровенно, рада, что подобные решения и вопросы лежат не на мне. Могу лишь посочувствовать тебе.

Арэнк молча смотрел на меня, как и на Совете, когда я

увидела его впервые; так же, как его мать, сложив пальцы домиком перед собой. А потом неожиданно глухо спросил:

– Почему ты спасла меня? Ведь могла сбежать? Или еще что-то придумать? Я заметил, что фантазия у тебя богатая и самобытная. Думаю, могло бы получиться...

Я машинально выпрямилась. Не обиделась на него, нет, ведь не раз и не два рассматривала вариант побега, – ощутила в хриловатом, будто простуженном, бесстрастном голосе Йелли нотку заинтересованности, надежды, тайной, глубоко спрятанной. Но улыбнуться не решилась, зато ответила максимально откровенно, ведь мы впервые наедине беседовали по душам:

– Я не могла бросить чел... того, кто ценой своей жизни меня защищал. Больше того, когда ты проснулся, наверняка почуяв опасность, первым делом вытолкнул меня из-под удара.

– Не обольщайся, Кайя! Первым делом я подумал о тебе по той причине, что ты – будущее моего шаазата. Без тебя все остальное уже не имело бы смысла!

– Ты правда так думаешь? Совершенно искренне? – горько улыбнулась я. – А мне кажется, что во сне человек... леар за долю секунды не может думать рационально – действует на инстинктах. Ты рефлекторно сначала позаботился о моей жизни, о женщине рядом с собой, а потом уже подумал о себе и шаазате.

– Откуда ты знаешь?! – хмыкнул муж.

– Не знаю, могу лишь догадываться, что в той ситуации по-другому ты поступить не мог, – я настояла на своем.

Мы посидели молча пару минут, разглядывая друг друга. В глазах Йелли затеплились хороший интерес, прогнав ледяной, бездушный холод, и та самая надежда, которую он, несомненно, скрывал и не собирался кому-либо выдавать. Я умею видеть сквозь маски, опыт большой.

– Может, поделишься, о чем ты грустишь сейчас? – нарушил хрупкую тишину Йелли.

– Может, о моем вынужденном браке? Не по любви. – Я рисовала пальцем по мраморно-белой столешнице, искоса глядя на него.

– Знаешь, Кайя, в нашем мире очень высока цена счастья. Поверь, твоя цена за безопасную и благополучную жизнь не очень высокая. Всего лишь быть моей женой, – муж иронично улыбнулся уголками губ.

– Скажи, Йелли, я тебе хотя бы нравлюсь? Как женщина? – решила я на важный вопрос.

– Более чем! – До чего бесит его безэмоциональный ответ и неподвижная фигура! Сухарь!

– Твое красноречие меня порой поражает. Ты бываешь таким убедительным.

Он усмехнулся, неожиданно тепло и по-дружески:

– Я рад, что ты оценила мои старания. Идем спать, я слишком устал сегодня, чтобы вести длинные дискуссии. Хвала ларам, у нас для этого еще много времени.

Йелли встал и легко поднял меня на руки. Бережно уложил на кровать и присел рядом. Мы вновь смотрели в глаза друг другу: я – настороженно, опасаясь, что вот сейчас меня поставят перед фактом обязательного обмена сокровенными жидкостями, а он – просто рассматривал мое лицо, наверное.

Я тяжело вздохнула, в душе прекрасно понимая, что необходимо закрепить связь. Иначе мы оба будем по лезвию бритвы ходить. Не хочется повторения прошлой ночи. С другой стороны, вот как вынужденно переспать с вполне законным мужем, но пока еще практически незнакомцем? Внутри все переворачивалось.

А Йелли смотрел, проникая мне в душу, читая сомнения, впаиваясь в мои чувства, ощущения, завладевая мыслями. Затем с понимающей, даже немного грустной улыбкой произнес:

– Успокойся, сладкая, сегодня ты пустая, как ша, а завершение связи требует полного обмена энергией.

Простите меня, лары, но я не сдержала облегченного выдоха. Он покачал головой, еще шире улыбаясь.

– Это не из-за тебя, – поспешила я успокоить его самолюбие и гордость. – Просто обязательные постельные игрища это... сложно.

– Игрища? – белые брови взлетели на лоб, а потом он меня добил: – Да ты шалунья!

Я было нахмурилась, но Йелли осторожно погладил меня по волосам, затем обхватил лицо ладонями и медленно,

предоставив возможность отстраниться или отвернуться, наклонился и поцеловал. Не спеша, мягко, лаская каждый миллиметр моих губ, проник внутрь и углубил поцелуй. Не знаю, в какой момент я расслабилась полностью, растворилась в этом поцелуе, горячей волной побежавшем по моим венам. Йелли творил свое волшебство, ласкал мои губы своими, а руками знакомился с моим телом, заставляя его просыпаться, откликаться на прикосновения. Тянуться за ними...

– Нам будет хорошо вдвоем. Поверь! Я понял это сразу, как увидел тебя в зале Совета, с первого взгляда, – хрипло, напряженно выдохнул Йелли, неожиданно прервав волшебный поцелуй.

– Ты решил отдать за меня шахты до того, как узнал, что я твоя истинная, или после? – прошептала я, отчаянно желая получить заветный ответ.

– До, – не задумываясь, порадовал Йелли. И едва все не испортил, ухмыльнувшись, как бандит с большой дороги: – Когда я увидел знак избранности, то отдал бы за тебя и больше. Хорошо, что никто его не заметил!

После недолгих размышлений «финансовые» откровения мужа пришлось мне по душе. Если восемь советников и самых богатых леаров страны сочли, что шахты Блэк – огромная цена за невесту, значит, я ему действительно очень понравилась. Во всех отношениях.

Последовавшее затем раздевание Йелли я восприняла как короткий стриптиз и всю любовалась представлением. И

даже не сопротивлялась, когда, улегшись рядом, он по-хозяйски притянул меня к себе под бок.

Глава 3

Единение

Розовый утренний свет Комка мягко пробрался под ресницы, заставляя проснуться. Открыв глаза, я сладко потянулась, всем телом ощущая что-то новое в себе, словно избавилась от тяжести целого мира. Усевшись на постели, огляделась и заинтересовалась еще спавшим рядом Йелли. Мой атлетически сложенный, большой мужчина вольно раскинулся на огромной кровати. Загорелая кожа на фоне белых простыней, чуть согнутая нога и такое истинно мужское узкое колено, переходящее в мускулистое бедро. Я не могла оторвать взгляд от красивой фигуры мужа, едва прикрытого простыней, а мое сердце ускоряло бег.

Йелли тихо посапывал, лежа на спине, отвернувшись от меня, дав возможность беззастенчиво, неторопливо, подробно изучить его. Более острое ухо, чем привычно землянам. Необычайно белые растрепанные волосы, блестящие в утреннем свете подобно снегу. Такие же искрящиеся белизной брови и ресницы. Резкие скулы и чуть впалые щеки. Машинально протянула руку и, едва дыша, осторожно поправила прядку на высоком лбу, чтобы не лезла в глаза. До зуда в пальцах хотелось коснуться его золотистой гладкой груди, но остановилась, не решаясь. Ведь муж может проснуть-

ся, и тогда мое прикосновение послужит толчком, знаком к переходу на новый уровень. Отдернула руку, чтобы не передумать, и тихонько встала, прислушиваясь к звукам раннего утра и своим ощущениям.

Почему-то сейчас тонкая нежная ткань леарской «пижамы» ощущается особенно остро, касаясь вершинок груди, раздражая кожу, даже не так – скользит по коже, словно легкое прикосновение чужих пальцев. Наваждение какое-то!

Упрямо мотнув головой и потеряв лицо, я направилась в ванную. Да, воды вдоволь, еще бы самый обычный душ. Хотя... леары магичат с водой – вот бы направить ее вверх и постоять под освежающими струями. А пока, вымывшись в «полупоходных» условиях, я надела оставленный с вечера горничной наряд цвета свежей зелени. Топ и шаровары идеально сели, новые мюли порадовали тонкой кожей, мягко обнявшей стопу. Привычно собрала волосы в высокий хвост, закрепив на макушке красивой изумрудной заколкой, подаренной Амилой. Единственным моим украшением. Даже немного расстроилась их отсутствием. Поразмыслив, пристыдила себя: будет время – будут и радости. Какие мои годы?

Муж по-прежнему спал, а я, налив себе в стакан сока, вышла на террасу насладиться рассветом. Горы-исполины быстро окрашивались в розовый цвет, который заливал все вокруг, спускаясь в долину, к неспешно просыпавшейся зеленой, благодатной Ларане. Кристальный дворец на вершине

буквально искрил, словно розовый бриллиант, – невероятное зрелище! К нижним ярусам дворцов на работу спешили серые и чернокрылые. Только мне почему-то было неуютно и одиноко, хоть и чувствовала себя прекрасно физически, в отличие от вчерашнего убийственного состояния «старая кляча».

Не знаю, сколько я так простояла, любуясь неповторимым ларанским восходом, зябко обняв себя за плечи и печально вздыхая. Вдруг на мои руки легли крепкие мужские ладони – и мне в собственном теле стало тесно и жарко. Хотелось выплеснуться, согреть собой все вокруг, заполнить.

– Снова грустишь? – сипло со сна прозвучал голос Йелли у меня над головой.

Жар его тела, а может, и магии, с которой я связана божественными узами, словно коконом окутывает меня, горяча кровь, заставляя ее бежать быстрее. Бодря и вызывая томительно чувственную жажду! Боги, ему даже не надо прикасаться ко мне, просто подойти – и я начинаю думать только о нем и ощущать его кожей. Моя сила действительно полностью восстановилась, раз так ярко и остро откликается на свою идеальную пару. Но... нужно быть честной с собой: я очень сомневаюсь, что это только магия неодолимо влечет, притягивает меня к мужу.

Обернувшись, я посмотрела ему в лицо:

– Да, немного. Доброе утро. Ваш мир такой необычный и по-своему красивый!

– Доброе...

Вместо обычных кожаных штанов, муж надел легкие свободные, которые низко сидели, точнее, держались на внушительном «честном слове». Да-а-а... Одно дело – видеть этого великолепного мужчину спящим, отстраненным, другое – смотреть на полуобнаженного, слишком горячего и сверлящего меня внимательным взглядом. Я смутилась и без резких движений, словно ничего «такого» не испытала, не видела, отвернулась и постаралась дышать спокойно, чтобы унять не согласившееся со мной сердце. Черт! Не девственница уже, и с Игорем у нас был довольно страстный секс, но впервые чувствовала себя неопытной, стыдливой девчонкой.

Затылком почувствовала, как мой великовозрастный и чересчур опытный муж насмешливо хмыкнул – все подметил! В следующую секунду он сдвинул ткань на моих плечах и начал медленно массировать, мягко, но настойчиво. Ловкие горячие пальцы пробежались по моей шее, ключицам, затем недвусмысленно забрались под топ, приласкали мою грудь. И опять, как в храме, золотистое облако полностью накрыло нас, сияло и переливалось, играло со светом Комка и нашей магией, приятно покалывая кожу, призывая... обещая...

Я всей спиной и ягодицами ощутила, как Йелли придвинулся и готов хоть сейчас! И вот вроде я тоже готова отдаться его молчаливому чувственному напору, но вот обязательство-ради-жизни мерзко засвербела в душе, мешая насла-

ждаться.

– Ты привыкнешь, я уверен.

– А?.. – я не сразу поняла, о чем речь, но, вспомнив про красоты Леарата, немного хрипло мурлыкнула: – Наверное, уже привыкла. Им невозможно не восхищаться.

Йелли начал поглаживать мои предплечья, его длинные красивые пальцы спустились к локтям, оставляя на коже возбужденные мурашки, затем неожиданно перебрались на живот... Муж довольно выдохнул мне в макушку, когда мои мышцы непроизвольно «испуганно» поджались, пытаясь отстраниться от горячей мужской ладони. Очередной насмешливо снисходительный «хмык» – и его руки медленно, словно крадущиеся хищники, передвинулись на мои бедра, подобрались к сокровенному местечку, вызывая у меня горячий внутренний отклик. Напряжение от неумолимой развязки росло...

– У тебя были мужчины... до меня? – Йелли огорошил неожиданным вопросом, вырывая из чувственного плена своих рук и неги золотистого сияния.

Я облизала губы. Наверное, он заметил это неумолимое движение, развернул меня к себе, поднял мой подбородок, чтобы видеть глаза. Я сглотнула; кажется, ситуация становится еще более интимной и... непростой, чем ожидала. Совмещать секс и беседовать по душам – это слишком много. Ответила честно, ведь спросил мой муж навеки, да и скрывать особенно нечего:

– Да, один.

Голубые глаза Йелли потемнели, мне показалось, от удовольствия. Его рука застыла на моем животе, а второй он не давал мне отвернуться.

– Твой муж из другого мира? Ты страдаешь из-за него?

Я досадливо поморщилась: в сущности, я много страдала здесь из-за него, но не о нем печалилась. И спокойно пояснила:

– Нет, Игорь был моим женихом, а не мужем. В последнее время наши отношения изменились, и сюда я попала из-за его измены. Погибла для своего мира, как бы чудовищно это ни звучало.

– Измены? – Йелли едва заметно нахмурился, быстро окинул меня цепким взглядом, словно оценивал заново.

Пришлось рассказать все, как было. А было стыдно, горько и неловко. Еще объяснила в общих чертах, что такое самолеты и парашюты, как они выглядят. И кто мой отец, и чем он занимается, и кто моя мать, и даже сколько было жен после нее. Рассказ вышел длинным, хоть и с кратким изложением фактов, но мы не сдвинулись с места, так и стояли, будто прилипли друг к другу. Я стрункой вытянулась вдоль его тела, глядя ему в глаза.

– Значит, вот откуда твое условие про верность?! – сухо подвел итог Йелли, выпуская меня из рук, давая призрачное ощущение свободы. – У отца девять жен, а избранник предпочел другую.

– Да, – с грустью призналась я. – Не хочу умереть и в этом мире, потому что моему мужу одной жены будет мало. Или потому, что встретит более красивую, идеальную, страстную...

Йелли мотнул головой и остановил меня, коснувшись пальцами губ. Мы вновь замерли, глядя друг на друга: высокий сильный мужчина и хрупкая уязвимая женщина. Никогда раньше я не ощущала себя такой маленькой и ранимой. Но и более защищенной, чем сейчас, никогда себя не чувствовала. Голос мужа звучал глухо, но настойчиво:

– Не в нашем случае, поверь! Думаю, ты уже успела разобраться, что у нас можно безоговорочно доверять только небольшому кругу близких, помимо родителей и пары, с кем связан магией и кровью. Встретить избранную – это для редких счастливчиков и порой кажется недостижимой мечтой. Особенно для таких, как мы, – белых! Представь, что я испытал, когда увидел тебя на Совете.

– О... я могу только догадываться, – хрипло ответила я – горло перехватило от эмоций.

Йелли жадно следил взглядом за моими губами, а когда я замолчала, нежно погладил их пальцем и продолжил, глядя мне в глаза:

– Мы занимались самыми обычными делами, привычно ругались из-за очередной ерунды. Тут врывается голос шаэра и отвлекает его от «важного» занятия. – Слово «важного» было сказано с таким сарказмом, что стало весело. – Потом

мы увидели тебя. Знаешь, я наблюдал за тобой все время. Да, новость об одинокой шаазе из другого мира поразила всех, но тогда я думал о другом. Белокрылая леара... избалована с рождения. В нас с молоком матери вкладывают чувство исключительности, избранности и вседозволенности. Магия дает нам красоту, силу, власть...

– А тут я – сероволосая и неидеальная, с двумя переходами, – подытожила я, спрятав за усмешкой досаду.

Йелли улыбнулся неожиданно мягко:

– Нет, я увидел совершенно необычную шаазу. Наши похожи на белоснежные сверкающие горные вершины, недоступные и холодные. Ты не идеальна, как истинная шааза, но гораздо более яркая, непосредственная, обаятельная – живая! И так похожа на маленький комочек – само средоточие жизни. Она так ярко горит в тебе, что это отметили все на Совете. И каждый захотел тебя в свой род! Горячий комочек чувств и жизни может согреть гораздо лучше, чем любая снежная вершина.

Наверняка я расплылась в глупейшей улыбке:

– Ты меня поэтому захотел?

– Да, захотел присвоить твой внутренний огонь, твою жажду жизни, неиссякаемый источник эмоций. Я устал от смертей, мне просто хочется жить, – непривычно покорно вздохнул Йелли и добавил: – Тем более, когда понял, кто ты для меня!

– И что теперь? – шепнула я с горячей надеждой на новые

признания и чувства.

Муж притянул меня к себе, склонился и ткнулся носом в мою макушку, одной рукой прижал за плечи к своей груди, а второй скользнул под одежду и начал ласкать мою грудь, хрипло шепча мне на ухо:

– Теперь все будет хорошо!..

– Нас могут увидеть... – я не менее хрипло попыталась остановить откровенное соблазнение.

– Пойдем в покои, – скрипучим, полным желания голосом предложил муж, отпустив мои плечи, твердо, собственнически, нетерпеливо сжимая мои бедра и ягодицы, сминая ткань и прижимая к своему возбужденному телу.

– Я... – даже не знала, о чем хотела сказать, растерявшись от быстрого перехода от признаний и откровений к интиму.

Йелли вновь резко развернул меня к себе и под моим ошарашенным взглядом создал ледяной кирпич. Поставил меня на него, чтобы повыше была, наверное. Его потемневшие глаза горели яростным голубым огнем.

– Два дня, которые я тебе дал на привыкание, прошли. Теперь ты моя целиком! – выдохнул он мне в губы, жадно целуя.

– Да, но я думала, что...

Возможно, все бы свершилось здесь и сейчас, потому что от вкуса его губ, собственного напора и жара во мне все бурлило от желания, но совершенно неожиданно Йелли решил проявить красноречие, так сказать. Видимо, чтобы уго-

ворить неуступчивую шаазу на обмен сокровенными жидкостями для завершения связи. Будь оно все неладно! Обнял мое лицо ладонями и, покрывая его поцелуями, обещал:

– Утро потратим на себя. Потом ты будешь нужна в наших покоях, там делают ремонт, и ты выскажешь свои пожелания. У тебя другие цветовые предпочтения. Заодно покажу твою сокровищницу. Она полна драгоценных украшений, камней для нарядов и...

– Прямо бесит! – выпалила я, с трудом отстраняясь от мужа.

Он замер и недоуменно переспросил:

– Что тебя бесит?

Я с досадой поморщилась, признаваясь:

– Что попала в ситуацию, когда меня уговаривают на секс с помощью сокровищницы. Это так пошло и продажно звучит... хоть от этого и зависят наши жизни. Ненавижу подобные вещи.

Йелли выпрямился, сразу став таким громадным и ледяным, а затем с глухой яростью выдал:

– Кайя, я тебя уже почти ненавижу, хотя никогда ранее не испытывал столь сильных чувств!

– За что? – опешила я.

– За то, что должен стоять тут и упрашивать собственную жену на тот самый секс. Была бы возможность, я бы тебе лет сто на раздумья дал! – прохрипел он и добавил с горькой иронией: – Видно, мироздание пошутило, определив мне в

идеальную пару нытика!

– Да ты только что меня сам комком жизни называл! – возмутилась я.

– Да, комок вечного нытья и жалоб! – рыкнул Йелли, потом, подняв глаза к небу, выдохнул: – О лары, чем я мог вас настолько прогневить?

– Может, все-таки надо было плюнуть на алтарь? А ты по-жадничал? – съязвила я.

– Надо было тебя еще там, на алтаре... только я не насильник! – прошипел он.

– Да ты... знаешь кто ты? Иди ты знаешь куда...

– Иду! – Йелли мгновенно закинул меня на плечо и, звонко хлопнув по заднице, бодро направился прочь с террасы.

– Отпусти! – завопила я. – Куда ты меня тащишь?

– Куда надо! – рявкнул Йелли. Открыл дверь и добавил мстительно: – Дам тебе новый повод для нытья и страданий! Можешь беситься сколько угодно.

Я колотила его по спине, отмечая, что мы идем, хорошо так отсвечивая «избранностью» – считай, незавершенной связью, – по общему коридору. Стены кое-где еще пестрят выбоинами – последствия боя. А когда увидела ошарашенного Алела, который тенью устремился за нами, то тайком щипалась и пыталась улыбаться, изображая игрища с мужем. У-у-у... ненавижу-у...

Арэнк вошел в соседние покои, рыком выгнал темно-серых шаа, наводивших порядок в наших разгромленных ком-

натах. И, не останавливаясь, напрямик двинулся в огромную гардеробную. Там уже красовались мои новенькие разноцветные наряды, которые успели сшить и развесили, а кое-что разложили на полках. Не успела порадоваться такой оперативности местных модельеров и швей, Йелли без церемоний поставил меня на ноги у какой-то двери, схватил за руку и, приложив ладонь к этой двери, произнес фразу на леарском, а значит – тарабарщину вроде «сезам, откройся».

Через секунду дверь сама распахнулась. Большое помещение сразу залил яркий свет, напомнив о современных системах освещения на Земле. Неужели?! Под впечатлением от этого я прошла внутрь, окидывая взглядом множество полок вдоль стен, заставленных сотнями коробочек и бархатных подложек, заполненных драгоценностями и целыми горками сверкающих камней всех цветов. В центре сверкало гарнитурами потрясающей красоты несколько выставочных «грибов». Меня действительно принесли в сокровищницу.

– Обалдеть! – выдохнула я восхищенно. – Как ты это сделал?

– Это не я, – усмехнулся довольный произведенным эффектом владелец сокровищ. – Это еще мои предки и родители собирали...

– Я про освещение! – нетерпеливо махнула рукой, осматривая потолок и стены. – Как ты его таким ярким сделал? Здесь есть лампочки? Неужели электричество?

Молчание Йелли насторожило. Обернувшись и отметив

его нехороший многозначительный прищур, я моментально нарисовала виноватую улыбку и предложила:

– Ладно, я же понимаю, что у мужчины могут быть свои секреты. Может, когда-нибудь расскажешь...

Йелли тряхнул головой, как необъезженный конь гривой, глядя на седло, и проскрежетал, явно с трудом удерживаясь от крепких выражений:

– Переодевайся, если надо! У тебя сегодня слишком много дел. – Он уже развернулся, в два шага оказавшись у двери, но остановился на пару мгновений и ядовито процедил: – Это теперь твоя сокровищница. Пользуйся... когда светом насладишься!

– Спасибо... – пролепетала уже в пустой дверной проем, чувствуя себя неловко, потоптавшись по мужскому эго!

Мужик явно на пределе! Сама-то хороша! Он старался: сокровищница для «любимого» нытика! Готовился... Впечатление производил! А тут я – непредсказуемая до неприличия – полцарства за лампочку. Попала пальцем в небо...

Я еще раз внимательно огляделась, уныло размышляя, как неудобно получилось. Мне вон сокровища к ногам бросают, а я – про электричество. Ну просто на миг почудилось, что включился свет, как в моей бывшей гардеробной автоматически зажигался при открытии двери, ведь это означало бы огромный прогресс в средневековом мире. А пока всего лишь четыре «шаровые молнии», сгустка магии, по углам сокровищницы, то есть никаких электрических чудес:

все по-прежнему работает на простейшей магии. Жизнь полна разочарований!

Посмотревшись в узкое овальное зеркало, сиротливо стоящее в углу великолепной, богатой сокровищницы, я не согласилась с мнением мужа: «Нытик значит? Ладно, посмотрим!» Помнится, бабушка не раз предупреждала, что только юные глупышки думают, что парней можно бесконечно доводить до кипения, и те, как сказочные рыцари, будут терпеливо сносить капризы и «милые» выходки. Щас-с...

До сегодняшнего дня нытиком меня еще не называли – вот что бесит! Теперь мои глаза отразили не унылую горечь, а фиалковый вызов. Дальше о насущном: зеленую «пижаму» нужно сменить на... к примеру, двойку из сиреневого шелка, которую заметила в гардеробной. Нежный сиреневый мне будет к лицу, сделает мои глаза еще ярче. Я внимательно осмотрела «грибы», прошла вдоль полок и выбрала гарнитур с изящным и невероятно сложным плетением, с камешками, похожими на аметисты. Широкое ожерелье прикрыло декольте, одарив тяжелой прохладой. Длинные серьги, похожие на гроздья темного винограда, подчеркнули длинную стройную шею. Волосы я завязала узлом с помощью шпилек, украшенных такими же фиолетовыми камешками, выпустив несколько прядок. В довершение «аметистовые» браслеты гармонировали с голубым брачным.

В огромной гардеробной я прошла вдоль внушительных рядов полок (в моей бывшей их было значительно меньше),

выбрала нужный наряд и сбросила зеленый. Осталось найти подходящее белье – и в этот момент Йелли угораздило вернуться! Неужели не все «комплименты» высказал? Быстро вошел в комнату и, увидев меня, встал как вкопанный. Влажные волосы, распахнутая жилетка – он мылся и переодевался в наших покоях.

Полыхнувший жадным, нет, жаждущим огнем взгляд Йелли прикипел к моему телу – скользил по груди, пробежался по длинным ногам и замер у моих бедер, словно не в силах оторваться. Я тоже замерла изваянием: жар, с которым мужчина меня осматривал, сделал со мной гораздо больше, чем любые слова. С подобным голодом на кого-нибудь не смотрят, нет. Так смотрят только на того, кого желают всем существом!

– А я вот... – пролепетала, робко коснувшись ожерелья.

Голубые глаза Йелли ярко вспыхнули, высоко оценив мое «одетое» исключительно в драгоценности «вот». Из него будто хищник вырвался наружу, голодный и оттого неуправляемый и беспощадный. Сплав голода, восторга, неверия и желания... Полная капитуляция и феерия победы сияли в его глазах, как если бы он знал, что именно таким будет этот миг! Сотни и сотни раз пережил его в своем воображении, и вот сейчас – реальность сокрушила, в миллионы раз превзойдя самые заветные ожидания.

Хищник подобрался ближе, в глубине его расширенных зрачков в этот миг я увидела себя: растерянную, но тоже же-

лающую. Чем еще больше раззадорила моего леара. Медленно выдохнула и судорожно, будто воздух вокруг вдруг стал раскаленным и вязким, вдохнула. Черные зрачки почти полностью заполонили голубую радужку, когда Йелли увидел, как дернулась моя грудь, — я пыталась глотнуть хоть капельку воздуха.

Бывают мгновения, когда перед глазами проносится жизнь, когда дух захватывает от невероятных ощущений, когда эмоции зашкаливают, а грудь стискивает и не хватает воздуха. Мгновения, которые невозможно забыть. Вот и этот голодный, буквально пожирающий меня мужской взгляд я никогда не смогу забыть. Не захочу. Всей своей женской сутью почувствовала: вот она — черта, за которой пропасть. И мы на бесконечно краткий миг замерли на краю, еще балансируя, но уже понимая: падение неизбежно. Этот шквал не сдержать. Такая бешеная страсть и оголенные чувства бушевали во взгляде Йелли. Он стиснул побелевшие кулаки, за его спиной взмыли вверх, выдавая потерю контроля, огромные крылья.

«Как хорошо, что здесь просторно», — мелькнула у меня совершенно неуместная мысль, когда я в трансе моментально вспыхнувшего желания сделала шаг навстречу крылатому герою. Настоящая женщина всегда знает, когда отступить бесполезно. Бешено вздымавшаяся мужская грудь, хриплое дыхание, раздувающиеся крылья носа и умопомрачительный взгляд, которым, казалось, он вобрал меня полностью, — все

кричало, что этот миг настал.

Йелли тоже скользнул вперед. Я сделала еще шаг. Он повел плечами, убирая крылья, одним махом сорвал с себя жилетку и штаны, жалобно «пискнувшие» в полной тишине. В следующее мгновение мы соприкоснулись телами, едва ли осознавая реальность. А дальше словно время остановилось, разум покинул обоих.

Медленно, как в трансе, Йелли легонько сжал мою грудь и огладил вершинки пальцами. Его глаза вспыхнули, как сверхновая звезда при рождении, от его рук по моей коже мурашками побежало золотистое сияние. Длинные сильные пальцы нежно скользили по моей молочной полной груди. Затем резкий рывок на себя – и мы будто спаяны навечно. Мои губы накрыли жадные мужские; язык Йелли, воспользовавшись моим сбившимся дыханием, двигался так же напористо, как и его рука, скользнувшая между моих бедер. Я всхлипнула от удовольствия. Мужской томительный вздох – влажное скольжение языка, уверенно покорявшего мой. Дерзкая ласка груди – и Йелли отступил, позволив мне перевести дыхание, а самому полюбоваться, и снова накинута с еще большим голодом и напором...

Он был порывист и даже резок, изначально стремясь оказаться как можно глубже, коснуться источника моих самых чувственных ощущений. В такие мгновения я словно взлетала, тело выгибалось дугой, не желая его отпускать, руки, которыми я терзала его спину, требуя не медлить, сжимались

в кулаки. И он слушал мои безмолвные приказы.

Ощутив спиной стену, я обняла его талию ногами. Мой крик удовольствия совпал с мужским рыком. В глазах мелькало от переизбытка ощущений. Йелли продолжал страстно целовать меня, словно упивался вкусом моих губ, сминая их так же яростно, как и двигался. Кажется, не существовало ничего, кроме ощущения нашего яростного движения, нашего страстного, сумасшедшего танца. Впиваясь пальцами в его спину, я стонала, умоляя не останавливаться, не могла насытиться. Меня душил чистый чувственный восторг и экстаз, грозя затопить сознание безумием удовлетворения.

И наконец это случилось – в очередной раз встретив его движение, я сорвалась за грань контроля над своим телом, поймав в ловушку страсти своего мужчину. Давление моего тела стало последней каплей для Йелли!..

– Животное! – восторженно прохрипела я на русском после того, как стих его удовлетворенный рев.

Такого накала эмоций и бешеного всплеска адреналина я не представляла! Только подумала о том, что кто-то мог услышать, о последствиях, наша реальность опять взорвалась: нас объяло голубое пламя, начавшее волнами гулять по комнате. Вырвавшаяся энергия прошивала наши тела, переплетаясь с золотистым сиянием, соединяя, связывая навеки. Сначала знакомый холод пробежал по моим венам, затем его сменил горячий поток лавы. Я кричала, а Йелли глухо стонал, напрягаясь так, что на коже выступили жилы. Нас

накрыла чистейшая, неповторимая и нереальная эйфория. Страсть, магия, холод, огонь...

Очнулись мы на полу. Тело пело от переполнявшей меня силы, словно я не делилась, а брала у Йелли. Выбравшись из-под него, я стыдливо прикрылась смятыми тряпками и осмотрелась: да уж, беспорядок мы устроили знатный. Неловко-то как! Щеки горели, наверняка как и уши, и шея.

– Ты покраснела... – муж вальяжно улегся на спину, открывая мне вид на свое прекрасное мускулистое тело, еще очень крепкий и вздыбленный пах, и медленно заложил руки за голову, с одобрительной улыбкой разглядывая меня. – Что-то случилось?

Я облизнула губы, с трудом отведя от него взгляд. Теперь, когда узнала, на что он способен, плавилась под его взглядом. Но ответить постаралась спокойно:

– Нет, это признак крепких нервов, свойственных моему роду. – И не удержалась от ироничного замечания: – Как и храп!

– Любопытные свойства... рода, – удовлетворенно усмехнулся муж. Неожиданно резко сел, обхватил меня за плечи и притянул к груди. – Хорошо, что между нами, наконец, все решилось, моя сладкая.

– Угу, – выдохнула ему в ключицу, наслаждаясь его запахом лютото-го январского мороза и самой сильной февральской вьюги.

Йелли зарылся рукой в мои волосы, посмотрел в глаза и

с улыбкой признался:

– Ты действительно моя идеальная половина, мне никогда ни с кем не было так хорошо.

– Правда? – не сдержала я счастливой улыбки.

Мечты, надежды, восторг – все выплеснулось наружу. Ничего не спрятать, слишком невероятным было наше единение.

– Абсолютная! – признался Йелли и с предвкушением добавил: – Теперь бы еще ночи дожждаться и повторить!

– Да, – мечтательно согласилась я.

Йелли довольно блеснул глазами, плавно поднялся вместе со мной и совершенно неожиданно вновь превратился в сурового эрата:

– У нас дел выше гор. Одеваешься, завтракаешь, пусть Делария покажет в рабочем крыле твой кабинет. Туда скоро мама придет с мастером Фэем. После него у тебя обучение магии. За ужином встретимся.

Он отстранился, подобрал с пола одежду и шагнул к двери, но я схватила его за руку, вспомнив о договоренности со своей тенью:

– Йелли, мне нужно выделить для себя время, ежедневно, пожалуй, пары глыб хватит.

– Для себя? – его белая бровь слегка изогнулась.

– У меня есть идея, чем я могу заняться, пока ничего здесь не знаю... Тем более что вряд ли Амила в ближайшее время поторопится передать мне свои дела, и это правильно. Так

что я придумала себе собственное занятие.

– Кайя, я считаю, что пока уроков Фэя и мамы тебе более чем достаточно, – сухо возразил муж.

– А я считаю, что две глыбы на собственный досуг первая шааза Арэнк может себе позволить, – не менее холодным тоном настаивала я.

Эрат Арэнк хотел отказать, причем жестко и категорично, но взглядом схлестнулся с моим, непримиримым, затем опустил глаза на мое обнаженное разгоряченное тело – и в них вновь загорелся жадный, страстный огонь. Он судорожно сглотнул и неохотно согласился:

– Хорошо. Все для тебя, моя сладкая!

Я смущенно прикрылась руками и счастливо прошептала:

– Спасибо! Тем более это будет на благо шаазата!

Йелли повел плечами, привлекая мое жадное внимание к своей наготы, и поинтересовался:

– В чем это благо будет выражаться?

Я усмехнулась в предвкушении:

– Знаешь, один великий древний правитель на Земле как-то сказал, что народу требуется немного, чтобы забыть о революциях и войнах: хлеба и зрелищ. Леары, конечно, не голодные, но, чтобы отвлечь их от сборищ всяких заговорщиков, мы дадим им зрелищ. Если получится.

Муж возвышался надо мной самым эротичным образом. Но смотрел на меня с пристальным, оценивающим внимани-

ем, уже не по-мужски заинтересованно, а по-деловому.

– Хорошо! Попробуй, я поддержу.

Захлопав в ладоши, я ринулась подбирать разбросанную одежду, а Йелли, улыбаясь, ушел.

Глава 4

Всплеск

Ну не должен так критично выбивать из колеи секс с мужем вроде бы, каким бы фееричным ни был. И тем не менее я сидела на полу гардеробной, опершись на кучу тряпок возле стены, еще с полчаса – горела от стыда! Первая близость на полу, практически в шкафу – это не то, к чему я привыкла или слышала от знакомых. Впрочем, больше пылала от удовольствия. Во мне бурлила неведомая сила, с которой предстоит разобраться, и одновременно внутренний голос нашептывал: «Ну и как дальше будешь вести себя с Йелли?!»

В общем, мне достался самый невероятный мужчина, какого только можно представить!

Руки дрожали, я то растерянно оглядывалась: что бы надеть вместо помятого наряда? То касалась ожерелья – снять или оставить? То трогала припухшие от жадных поцелуев Йелли губы... А внутри боролись совершенно противоположные чувства: хотелось выть от стыда, орать от восторга, спрятаться от неловкости и... счастливо улыбалась. Все-таки женщины крайне нелогичные существа в любых мирах! Никогда не могут на сто процентов решить, чего же хочется, в конце концов.

С небес на землю меня вернула Амила, вернее, я вспомнила, что скоро занятия под ее присмотром. А если сюда явится?.. Ей-богу, словно за маленькой следит! Или чтобы пожилой мастер Фэй не обесчестил «кровиночку», равно весь род, или я их. Смешно, но голова пришла в порядок, унялась дрожь, подбородок поднялся сам собой вслед за мной. Высунув нос из гардероба, я с облегчением убедилась, что в покоях ни души, и поторопилась в ванную.

Я уже готова была выйти, одернув серебристый костюм, и обдумывала свое рабочее расписание, когда Делария влетела в гардеробную и восторженно выдохнула с порога, одновременно придиричиво осматривая меня:

– Ваш всплеск ощутили все!

Как обычно, моя тень была в светло-сером, но другом наряде, нежели вчера. Не надоела ей однообразная, скучная униформа?

Делла продолжала восторгаться:

– Это было так мощно, что теперь все-все проникнуты твоим положением!

– Как все? – Я чуть не плюхнулась на пуфик, сообразив, о чем она говорит. Но в надежде, что пронесло, спросила: – А какой именно всплеск?

– Какой, какой, будто не знаешь: первого обмена, единения избранных, – снисходительно и самодовольно пояснила тень-всезнайка. – Он был настолько сильным, что волной прошел от купола до подвала дворца. Все радуются!

– Чему? – хрипло выдавила я, подозревая самое худшее. Может, не выходить сегодня из комнаты?

– Во-первых, по естественным причинам. Такая неожиданная и хорошая бесплатная подзарядка – сплошное удовольствие. Во-вторых, главная супружеская пара шаазата наконец-то полностью связана, а эрат силен как никогда. После сильнейшего всплеска в этом уверены все. Значит, второй шаазат еще больше укрепился и ждет наследников! – Делла с жадным любопытством окинула взглядом полки и вешала, поморщилась и резко сменила тему: – Кто? Кто задумал унижить первую шаазу темными тряпками...

– Я! – строго оборвала ее.

Как ни странно, чужой негодующий тон по поводу моего гардероба помог вернуть мне самообладание. Плевать на любые сплетни и «знания» служащих дворца.

– Но как же? Ведь шаазы носят...

Я вскинула руку, останавливая возмущенно-трагический лепет Деллы:

– Запомни первое правило звезды: у звезд нет правил и ограничений! Именно звезда задает модные направления! Тем более первая шааза второго в иерархии шаазата!

Смотреть на выпученные черные глазищи главной карьеристки и подхалимки Леарата было весело. Я не сдержалась и рассмеялась.

Делла поджала губы, но любопытный, чуть скептически взгляд, которым она обвела мои новые цветные наряды, под-

сказал: восходящая звезда телевидения Леарата на ус мотает все!

– Шааза Амила по просьбе эрата приказала показать тебе твое рабочее крыло как можно быстрее. Затем легкий завтрак и занятия.

– Уточнение про легкий завтрак меня почему-то пугает, – передернула я плечами, предчувствуя жесткие ускоренные методики обучения.

– Не переживай, сегодня Амила тебя не тронет! – заверила меня Делла.

– Это почему же?

– Так ты же восстановилась, и я возобновила нашу связь. Мы с шаазой Амилой как раз проверяли твое крыло, когда меня, представляешь, подкосило от экстаза...

– Экстаза? – вновь охрипшим голосом переспросила я.

Делла неожиданно смутилась, развела руками и глухо пояснила:

– Ты не подумай чего-нибудь плохого, просто мне по нашей связи пришел откат от вашего энергетического обмена. – Девушка глубоко вдохнула и счастливо выдохнула: – Представляешь, у меня даже крылья побелели на осколок, такой он был силы! Теперь же все знают, что я твоя тень! Потом и волна всплеска пошла... Шааза толпу горничных заставила твое крыло срочно вычистить до блеска, вот ша и увидели мои побелевшие крылышки... и сами... порадовались. Уж как шааза Амила ликовала, когда поняла, что вы

обмен провели и связь закрепили, – не передать словами!

– Боги! – я закрыла щеки ладонями.

– Да, они! Если бы мне такая силища досталась, я бы неустанно благодарила ларов. А ты им голый зад пожалела показать у храма... – проворчала Делла.

Вот знала, что обязательно кто-нибудь про эти несчастные трусы мне напомнит.

А взявшаяся за старое тень, увидев, что я разозлилась, сразу защебетала, старательно переводя разговор на предмет своего подражания:

– Зато шааза Амила прямо вся светилась от счастья. Как увидела эрата, тоже всего такого просветленного, с улыбкой... почти заметной, и буквально пышущего силой и довольством, сразу подобрела... к тебе.

– Каким боком? – засомневалась я.

– Ну, сперва тебе хотели отдать комнаты в левом крыле северной части, а потом – в правом восточной, прямо рядом с эратом. Горничных, конечно, жаль, но после хорошей подпитки они там за пару льдинок повторно все вычистили. Твои рабочие кабинеты теперь в одном из самых престижных мест. Роскошные и буквально сияют красотой и светом.

– Какая щедрость с ее стороны, – усмехнулась я.

В общем, как и предполагала, свою вотчину и бразды правления свекровь мне точно не отдаст. Поэтому надо искать себе занятие, чтобы не пересекалось с ее делами. Я решила: театру и телевидению – быть! Чего бы мне это не сто-

ило!

По дворцу я «шла», старательно работая крыльями, чтобы спина и мышцы привыкали. Встречавшиеся нам леары не только почтительно закрывали лица, еще и душевно улыбались – поздравляли с полноценной связью. Мне тоже хотелось прикрыть лицо, но от неловкости и стыда. Оставалось надеяться, что всплески скоро пройдут и все войдет в привычное русло, без участия общественности.

Вторая моя тень – Алел – следовал за мной неотступно, сурово взирая на любого, кто осмеливался приближаться ближе, чем позволяло пространство или исходя из собственных соображений. Хотя на мой вопрос об опасности уверенно ответил, что нет никакой. Потому что эрат и Ниол вычистили всех предателей и обновили сеть защитных заклинаний. Чужак не пройдет! Не проползет! Не просочится!

Оценив мою рабочую зону, мы спустились в цоколь, или подвал, где Делла нашла чистое просторное помещение для нашего театра. Именно туда вечером она призовет желающих попробовать возвыситься и поучаствовать в аванюре первой шаазы, как она честно всех предупредила. Боюсь, после такого «любезного» приглашения, актеров у нас не будет.

После осмотра студии, я попросила принести туда стулья, потом легко перекусила и сдалась на милость Амилы, счастливой, как голодный крокодил при виде безмозглого туриста, решившего искупаться в его заводи.

– Ты крыльями, крыльями больше работай, – в приказном

тоне посоветовала она, плывя рядом со мной по коридору.

– Я думала, первой шаазе больше мозгами работать надо, – проявила я находчивость.

– Мозгами придется поработать мне, а то ты вон даже с крыльями пока справиться не можешь, – не осталась в долгу она.

Я скрипнула зубами, но, вспомнив змейсов, решила блеснуть остроумием:

– Крылья, крылья, главное – хвост! Вон ледяные змейсы как отлично устроились – воруют белых шааз, а потом кормятся всем родом и...

Амила приостановилась, взглянула на меня свысока и сообщила:

– Ты еще не в курсе, что сводный отряд из девяти верховных шаазатов за три дня вычистил Байсакал и предгорья от этих пиявок и разрушил Первое гнездо Серого Подземья. Вчера верховный змейс лично принес Леарату в лице шаэра извинения за тот инцидент. В качестве компенсации верховный согласился выдать оба рода убийц Лаиши из рода Ланей.

– Вчера? – опешила я. – Когда только все успели?..

Амила поморщилась и ответила гораздо спокойнее:

– Мой мальчик, была бы возможность, больше времени уделял бы своей юной жене. Но, к сожалению, у эрата не хватает времени на себя... и тебя, так уж вышло... совпало, что ты встретила его в очень сложное время. Дай ему шанс, дай вам обоим шанс стать счастливой парой. По-настоящему

близкими и родными. Надо немного потерпеть, Кайя. Скоро все разгребем, Йелли постарается уделить тебе внимание и дать все, что захочешь. Вы сможете стать близки, как положено...

В голосе этой «снежной вершины» звучали просительные интонации, хотя я уверена, что просить совершенно не в ее характере и привычках. Махнула рукой и весело сказала:

– Оставь, Амила, с момента нашего знакомства с мужем прошло четверо суток, а мы с ним пережили столько, сколько я со своим бывшим женихом за семь лет не испытала. В ускоренном темпе преодолели, прошли огонь, воду и медные трубы, как на моей родине говорят. Удивляюсь, что жива осталась. И после этого оставить его? Предоставить ему свободу? Нет уж, пусть терпит меня до скончания времен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.